

*Моей жене —
Медее Теймуразовне Цинцадзе — посвящаю!*

Умный находит удовольствие в сложности,
мудрый — в простоте.

Когда у человека формируются убеждения,
его эрудиция теряет объективность.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Если бы вы знали, сколько раз я думал над тем, чтобы прекратить писать эту книгу! Неужели совесть позволит мне обрушить на читателя ворох банальностей, которые как будто впи-

таны всеми нами с молоком матери и должны лежать в основе социального поведения? Зачем ломиться в открытую дверь, примерять на себя мундир капитана Очевидность? Что за писательский зуд! Зачем говорить общеизвестные истины, да еще и менторским тоном, претендуя на позицию психолога¹?

Хотел бросить, ругал себя, смеялся над собой — но все-таки продолжал писать и даже вот решился опубликовать написанное. Ну, чтобы заслон поставить какому-то встречному потоку, ветру, вентилятору — не знаю, что это — интеллектуальных новаций, коллективных прозрений, новых трендов, которые влияют на воспитание нашей молодежи.

Эти новации претендуют на последнее слово в социальных науках, а в реальности — полная чушь. Вредная, разрушительная, растлевающая общество чушь! Вот, из самого безобидного, из последнего, что я услышал: оказывается, какие-то ученые (при этом слово «ученые» произносится с придыханием, с поднятием указательного пальца вверх) открыли так называемую «диетическую депрессию» — то есть депрессию, которая якобы наступает от употребления однообразной пищи. Чтобы избежать диетической депрессии, советуют ученые (опять палец кверху), нужно баловать себя ранее неизведанными вкусами, пищевыми «сюрпризами». Дескать, тогда депрессию можно будет победить. Преодолеть, отсрочить.

Слушайте, а десятки поколений наших предков, которые ели кашу и щи, почему-то не впадали ни в какую депрессию. Почему? — Да потому, что депрессия никак не связана с рационом питания (я исключаю крайние случаи). Попытки бороться с депрессией повышением разнообразия пищи — это

¹ Психолог — то же что педагог, только для взрослых.

очередной суррогат решения проблемы бессмысленности жизни. Заедать вкусняшками пустоту существования — отличный выход! Для дураков. Да, известно, что именно так многие и поступают — заедают депрессию. Но при этом вгоняют себя в круг еще больших проблем, связанных с нарушением обмена веществ в организме. А распространение мифа о диетической депрессии — это увод человечества в сторону от магистральной линии развития. В мифологический тупичок.

Борясь с подобными тупиками, я и решился написать эту книгу. И если читатели скажут дружно: «О чем он толкует, нам все это хорошо известно», я успокоюсь и займусь выращиванием овощей на своей даче. Но мой жизненный опыт, мои глаза и уши подсказывают мне, что до спокойствия еще далеко. Как психолог, я постоянно сталкиваюсь с драматическим, подчас катастрофическим непониманием многими людьми смысла человеческих отношений, предназначения человека.

Примитивные до дурковатости разглагольствования на эти темы, находки, ценность которых сопоставима с «открытиями» трехлетнего ребенка в песочнице, оглупление и инфантилизация населения до такой степени, что люди не в состоянии браки создавать, детей рожать и воспитывать, — вот каким трендам я пытаюсь противопоставить свой набор трюизмов. Ну, извините меня за это великодушно!

Я не оправдываюсь, я размышляю — зачем я написал эту книгу?

На каждой стройке бывают ЧП — чрезвычайные происшествия. Представьте: колоссальная, высокая и массивная конструкция дала трещину. Она вот-вот разрушится и рухнет вниз. Это видит пока только инженер-строитель. Он замирает от ужаса. Он с точностью до минуты знает, когда произойдет низвер-

жение колосса. Погибнут люди, уничтожится техника, пойдут прахом плоды упорного труда, совершенного посредством этой техники. Но другие пока этого не видят. Они воодушевлены своими трудовыми подвигами и радостно смотрят в будущее.

Интеллигенция — по идее, тот самый коллективный инженер-строитель. Она призвана лучше всех понимать, какие угрозы нависли над человечеством. Увы, на деле многое оказывается не так.

Помню, харизматичный седовласый профессор в лицо мне смеялся и всячески демонстрировал свое пренебрежение, когда я говорил об опасности отчуждения человека от труда как о самой важной угрозе современности. А когда очередь дошла до него, пафосно представил очередную «братскую могилу» как отчет о проделанной им работе на средства съеденного гранта. «Братская могила» — это ироничное название сборника статей известных и малоизвестных авторов, изданного без определенной цели, точнее — с целью оправдать истраченные деньги. Это обычная форма «квази-академического» мошенничества, распространенного, увы, в российской вузовской среде в 90-е годы.

И еще: мой диалог с Александром Анатольевичем Ширвиндтом на съемочной площадке телепроекта «Культурная революция» (ТК «Культура», производство телекомпании «Игра-ТВ»). Я спросил: «Театр сегодня по-прежнему претендует «влиять на умы», как раньше? Или он «печет» спектакли, как пирожки, исключительно для продажи?» Ширвиндт ответил: «Влиять не на что». Отшутился. Но было видно, что его мой вопрос задел. В продолжение своего ответа он рассказал анекдот про цирюльника, который на реплику посетителя «Всюду бардак» сказал, недоумевая: «И вы хотите начать наводить в мире порядок с моей парикмахерской?!» Думаю,

Александр Анатольевич слукавил. Он все прекрасно понял и огорчился, как и я. Ведь за его спиной не скромная парикмахерская, а прославленный Академический театр сатиры. И на груди у старика Ширвиндта — ни много, ни мало — полный набор орденов «За заслуги перед Отечеством».

Так есть ли у нашей интеллигенции эти заслуги, или она под общую сурдинку приторговывает, чем может, якаясь с другими торговцами и криминалитетом?

Вот почему я взялся за написание этой книги, наполняя ее банальностями. Что если это не банальности, а вечные истины, без которых жить невозможно и о которых каждому новому поколению должен кто-то рассказывать? Перефразируем известный тезис: знание принципов позволит нам не зайти в тупик и не оробеть, решая частные вопросы.

Обычно от науки и от ученых ждут чего-то нового. Я, наоборот, стремлюсь обратить внимание на нечто хорошо и давно известное, чтобы вернуть к этому несправедливо и несвоевременно утраченный интерес. Возможно, я, по ироничному выражению Льва Николаевича Толстого, как глуховатый человек, отвечаю на вопросы, которых мне никто не задает? Я мечтал написать книгу о механизмах поведения людей, которая будет понятна всем и каждому — от двоечников коррекционных классов до отличников мехмата МГУ. Тираж этой книги превысит численность населения Китайской Народной Республики. Ее переведут на все языки мира, включая языки тела. . . Это — в мечтах. А в реальности. . .

Вот она — книга — перед вами. Я написал ее. И если вы ее не прочтете, то мы оба останемся в дураках.

С уважением, Виктор Пономаренко

Несчастливым или счастливым человека
делают только его мысли,
а не внешние обстоятельства.
Управляя своими мыслями,
он управляет своим счастьем.
Ф. Ницше

Человек несчастлив потому,
что не знает, что он счастлив.
Ф. М. Достоевский

Мне счастье в девках выпало:
у нас была хорошая, непьющая семья.
Н. А. Некрасов

О СЧАСТЬЕ

Будучи еще студентом-медиком, я слышал историю про Мераба Константиновича Мамардашвили. Для тех, кто не знает: Мамардашвили — один из глубочайших умов двадцато-

го века, антрополог, философ «сократовского типа». Так вот, Мераба Константиновича как-то спросили: «В чем, по вашему мнению, заключается основной вопрос психологии?» Тот, пыхнув курительной трубкой, ответил: «Как и у всех прочих наук и практик — выживание».

Выживание! Разумеется, речь шла о выживании человека. Если кому-то режет слух слово «выживание» (согласен, от него веет чем-то сугубо утилитарным), давайте скажем: «жизнеспособность». Против жизнеспособности, надеюсь, никто не возразит?

Вот, собственно, и весь сказ. Вот и весь приз, ради которого — все наши усилия, наши человеческие радости и страдания.

Была или не была в реальности эта история, мне неизвестно. Но вполне могла быть. Такой ответ — в духе Мамардашвили. В русле его научной и жизненной философии. В конце концов, не это важно. Так же, как батано Мераб, понимали суть происходящего и тысячу, и три, и десять тысяч лет назад. Так, я уверен, мыслящие, ответственные люди должны понимать это и сегодня.

•

*Жизнеспособность —
то есть возможность существовать
не разрушаясь, длиться во времени —
это цель и смысл жизни.*

•

Получается, мы живем ради того, чтобы... жить? Не слишком ли примитивно? — Нет, все правильно. Давайте только примем во внимание, что жизнеспособность Человека —

разумного социального существа — зависит от множества отнюдь не примитивных причин и условий. Человеку мало дышать, есть и размножаться. Чтобы жить, он обязан думать, чувствовать, строить общественные связи, верить в лучшее и святое, понимать значение разнообразных сложных сигналов и многое, многое другое знать и уметь².

А еще человек должен создавать блага.

Что ж, теперь, похоже, мои вероятные оппоненты начинают злиться всерьез.

«Что значит «должен»? Какие такие «блага»? Никто никому ничего не должен!» — согласитесь, так думают и говорят многие. Это вполне устоявшаяся точка зрения. Она существует и в быту, и в науке. Есть ученые, отрицающие не только общественные обязанности людей, но и общество как таковое, как факт.

Отсюда как раз и начинается наш разговор.

Признаться в этом непросто, но придется. Иначе не стоило все это затевать.

Сорок лет я изучаю поведение человека. Сорок лет вожу сам себя, будто библейский Моисей, по пустыне собственной головы. Много пережито, многое осознано. Написаны книги, прочитаны сотни лекций. . . И в итоге — понимание простей-

² Немало тех, кто категорически возражает против приоритета жизнеспособности по отношению ко всем прочим целям человека и человечества. «Это для червей главное — выжить, для вирусов, для планктона etc., а у разумного существа должна быть более сложная и пафосная — «высшая» — цель». Такова их точка зрения. На это у меня есть как минимум два контрдовода. Во-первых, для реализации некой «сверхцели» нужен и «сверхчеловек». Тот, кто никогда не совершает ошибок, гениально умен, не зависит от своих настроений, легко преодолевает естественные барьеры, кто не болеет и не умирает. Цель, лежащая где-то за горизонтом человечества, неизбежно потребует коренной переделки самого человека. По сути, уничтожит то, чем мы являемся сегодня. Не от этого ли предостерегают людей священные книги: «Человек, не возьми себя равным Господу»? Во-вторых, выживание человека немислимо без сохранения и развития его духовности. Одухотворенность и разумность, как и производные от них переживания высшего порядка, таким образом, не цели, а условия нашей жизнеспособности. В человеке жизнь физическая и жизнь нравственная неразрывны.

шей и очевиднейшей истины³. Но понимание заслуженное, выстраданное.

А истина заключается в том, что есть всего два варианта общественного бытия человека: счастье и несчастье.

Как только я это осознал, словно остатки пелены упали с глаз! Я сразу понял, как отличить счастливую жизнь от несчастной, счастливого человека от несчастливой. Как, по каким правилам и законам, строится счастье. Что нужно делать, чтобы его обрести. Что именно погружает нас в несчастье, и как это предотвратить или перебороть. Что значит «жить правильно», то есть счастливо, и «неправильно» — в несчастье. Все вдруг стало про человека ясно и понятно.

Действительно, все завязано на жизнеспособности. Мамардашвили прав. Жизнеспособность можно наращивать, развивать. А можно, в принципе, уменьшать, разрушать, разваливать. Конечно, люди заинтересованы в первом варианте. Но, увы, часто допускают и второй. И это ведет к их гибели в прямом драматическом значении этого слова.

•

*Счастье, таким образом, — это когда
жизнеспособность растет. Несчастье —
когда снижается. И то, и другое является
результатом активности человека.*

•

³ Как это у Льва Николаевича Толстого в романе «Анна Каренина»? «Лёвин был философ, то есть человек, который путем долгих, мучительных и путанных рассуждений приходит к выводу, изначально очевидному для всех остальных?» — Цитирую по памяти.

Особая благодарность русскому языку и русскому народу — языковорцу! Именно в русском языке слово «счастье» имеет корень «часть»⁴. А корень, как известно, отражает суть, нечто самое главное.

«Счастье» — это краткая форма от устаревшего «сочастие» и вполне современного «соучастие». Следовательно, счастливый человек с кем-то обязательно «соучастлив». Он соучастник.

В латинском языке «часть» — это «part». Отсюда «партнерство». То же, что и «соучастие». Слова-«кальки», совпадающие и по значению, и по буквальному переводу.

Выходит, счастье — не слепой случай, не удача, выпавшая неизвестно кому неизвестно за что. Счастье — это социальное партнерство. Соучастие в общей жизни, в общих замыслах и делах.

Впрочем, так счастье понимается не всеми. В толковых словарях, включая известнейший «Словарь Даля»⁵, в этом контексте фигурирует «часть» как доля, кусок, пай. Стать счастливым, следует из этого, значит получить свою долю, кусок от «общего пирога». Кто, стало быть, большой кусок урвал, тот и самый счастливый.

А еще счастье, «доля», представляется людям как судьба. И сетует человек: «Трудная, скудная доля мне выпала. Не то что соседу!»

Владимир Иванович Даль ничего сам не выдумывал, он лишь фиксировал бытующие в народе значения слов.

⁴ Странно, но на мой вопрос о происхождении слова «счастье», заданный неожиданно, без подготовки, люди вполне образованные нередко отвечали: «Видимо, это производное от слова «сейчас»? Это, судя по всему, что-то сиоминутное, разовое?» — Какая связь между «счастьем» и «сейчастьем», ей-Богу, не понимаю! Вот оно — высшее образование без полноценного среднего.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 2-х томах.

К обсуждению такого эгоистического, потребительского или, с другой стороны, обреченно-фатального понимания счастья мы еще вернемся. И посмотрим, реальны ли шансы на обретение счастья у того, кто тщится урвать свой кусок или кто покорно принимает «несчастную долю», живя робкой надеждой на лучшее.

Здесь же отмечу, что оба эти значения обращены исключительно к результату, к достигнутой цели, к вожаденному призу. «Так мне достанется что-нибудь ценное или нет?» — вот о чем идет речь в обоих случаях. Дадут или не дадут? — Вот в чем вопрос!

О деятельном соучастии в создании благ, в процессе «выпекания сладких пирогов» никто из этих толкователей даже не заикается. Этого у них, что называется, «и в мыслях нет».

На самом деле, счастье — это созидательное партнерство, в котором благ (то есть факторов жизнеспособности) производится больше, чем потребляется. И это важнейший принцип существования человека!

♦

*Назовем его принцип «расширенного
воспроизводства благ». В соответствии
с ним, жизнеспособны лишь те люди, группы
людей, которые производят благ больше,
чем потребляют.*

♦

«Расширенным воспроизводством» мы назовем его потому, что производимые блага не являются невостребованными «излишками». Они поступают в общее пользование, формируют «фонды», «кладовые», откуда черпаются ресурсы, опять же, для

целей развития. И люди, производящие блага, все повышают и повышают уровень адаптированности — своей и окружающих. И, соответственно, их производительность тоже растет.

А что такое «блага»? — Это все то, что служит обеспечению жизнеспособности. Куда же мы денемся от нее!

Это и материальные, и нематериальные ценности. Пища, качественная и разнообразная, экологичная среда обитания, физическое здоровье человека. Разум и душа, вера и объективная истина, произведения искусства и строительные материалы. Разве можно перечислить всё! Критерий отнесения к благам конкретного продукта природы или человеческого труда один, уже определенный. Блага повышают жизнеспособность людей.

Все блага, в соответствии с провозглашенным принципом «расширенного воспроизводства», подлежат развитию, приращению их количества и качества. Экономисты про это говорят: «добавить стоимость», романтики — «одухотворить».

А если нет? Что будет, если полученные тем или иным путем блага не улучшатся их обладателями, а уничтожатся, потратятся впустую? — Блага перестанут к ним поступать. Их приходящий поток иссякнет, а эти люди умрут. Ни больше ни меньше. Вот что важно понимать. Во всей содержательной полноте.

У человека вариантов всего два. Либо он развивает блага, работая над их улучшением, и возвращает обществу с добавленной стоимостью. И тогда в его распоряжение поступят все новые и новые блага. Их качество, сложность и объем при этом будут расти. Ведь общество кровно заинтересовано в развитии, и оно поощряет тех, кто умеет развивать.

Либо человек вольно или невольно уничтожает переданные ему блага, но требует от общества еще и еще, чтобы сохранить свою жизнеспособность. И тогда он лишается всего. От

него отворачиваются все. Никому не нужен тот, кто потребляет много, а производит «ноль» или совсем чуть-чуть.

Сомневаетесь в объективности и действенности этого принципа? — Рискните его нарушить. Впрочем, никому не желаю плохого.

Итак, есть группы людей (партнеров, соучастников), благодаря которым общественные блага развиваются, а есть те, где блага растрачиваются, уничтожаются, потребляются без остатка. Первый вариант взаимоотношений называется и является **счастьем**, второй — **несчастьем**.

Счастье — фабрика жизнеспособности. Причем не только для самих партнеров, но и для общества в целом. Такое партнерство рентабельно в широком, не только в экономическом, но и в гуманитарном, смысле. Именно рентабельно. То есть затраты — материальные и нематериальные — на его содержание существенно меньше, чем исходящие от него потоки благ.

Счастливые семьи, счастливые содружества и соседства, счастливые трудовые коллективы и тому подобные — рентабельны, они развивают людей и вознаграждают позитивными эмоциями. При этом их ресурсный потенциал постоянно растет. Жизнь в них кипит!

Несчастье, наоборот, снижает жизнеспособность. Несчастьем называют альянс, на содержание которого люди тратят разнообразных ресурсов больше, чем получают взамен. Нерентабельное партнерство — вот что такое несчастье.

Русский писатель Владимир Галактионович Короленко выразился предельно ясно: «Человек рожден для счастья, как птица для полета»⁶. Убежден, понимать это нужно не как прекрасно-

⁶ В. Г. Короленко. Парадокс, очерк.

душное пожелание, а как научную истину. Действительно, в птице буквально все — от полых костей до великолепной природной аэродинамики — подчинено полету. И в человеке есть все естественные предпосылки для построения счастливых отношений. Счастливый (производительный, жизнеспособный) человек — это норма. Счастливая жизнь должна быть у всех людей!

Несчастье, напротив, — плод неправильного поведения, следствие допущенных принципиальных ошибок, которых можно было бы избежать, зная человек о том, на каких критериях базируется счастье, как ими можно и нужно управлять. Несчастье, по большому счету, противоестественно.

В общем, «если хочешь быть счастливым — будь им!» — Это уже Козьма Прутков. Персонаж забавный, но весьма неглупый.

Я сказал, что легко теперь отличу счастливого человека от несчастного. Уверен, вы догадываетесь, почему и как! Счастливый наполнен позитивными переживаниями. Под словом «переживание» я понимаю интеграцию рационального и эмоционального. И умом, и душой такой человек оценивает свое поведение и свое состояние как прекрасное, гармоничное. Он намерен бесконечно длить это высокое качество жизни.

Счастье — это переживание максимальной жизнеспособности. Разве это душевное состояние можно скрыть? — Нельзя и ни к чему. Более того, оно заразительно. Счастливый человек распространяет вокруг себя «ауру» победительности, приподнятого настроения, оптимистического восприятия мира. Счастливый верит в людей, в их лучшее и доброе начало. Он верит в жизнь, ведь именно он ее упрочивает. Сам он довольствуется малым, в материальном плане.

Кстати, это тема для особого разговора.

Без конца разными людьми пережевывается «проблема растущих потребностей» человека, якобы, никогда полностью не удовлетворяемых. Даже приверженцы коммунизма как общественного строя на определенном историческом этапе убожались собственной базовой формулы «От каждого по способностям, каждому — по потребностям».

Им, детям своего времени, вечно голодным и плохо одетым, с нереализованными мечтами о буржуазной сытости, вдруг привиделись толпы обывателей с вереницами пустых телег, рвущихся за бесплатной «коммунистической» едой и одеждой, готовых растащить все склады и магазины. Где уж таких удовлетворить!

И коммунисты засомневались в реалистичности коммунизма. А зря. Если у человечества вообще есть какое-нибудь будущее, то это — коммунизм. Такой, каким он описан в трудах Маркса и Энгельса.

Мало кто, увы, принимает во внимание первую половину формулы: «От каждого по способностям». А это — одно из условий подлинного счастья. Мы это еще обсудим, разумеется.

Коммунизм — это общество счастливых людей. А счастливый, как мы уже поняли, непритязателен в плане индивидуальных удобств. Зачем ему лишнее? Горсть риса и кувшин воды в день — его потребности в пище. А подчеркивать свой общественный статус посредством дорогих вещей ему совсем ни к чему. Жажда самореализации и общественной востребованности — вот чем живет счастливый человек! Так это же не про «получать», это про «отдавать».

•

*Счастье — это обязанности, выполняемые
с удовольствием, с восторгом.*

•

Узнаваем и несчастливый. Он наполнен тревогой, переживанием надвигающейся опасности. Кто-то осознает причину тревоги и источник опасности. Кто-то, не анализируя, боится всего на свете.

Несчастный воспринимает жизнь негативно. Как каторгу, как череду промахов и неудач. Интересно, что на этом эмоциональном фоне и объективная удача не радует, и долгожданное приобретение не утоляет печаль. Обида на жизнь и брезгливо-настороженное отношение к ней все равно остаются. Да, счастье не купишь!

•

*Говорят, «богатые тоже плачут».
Плачут не «богатые» или «бедные».
Плачут несчастные. Счастливые
улыбаются.*

•

Несчастливые бедняки в каком-то смысле имеют психологическое преимущество перед несчастливыми богачами — у них есть надежда, что вот когда они наконец разбогатеют, всё в их жизни наладится. У богатых и этой надежды нет⁷.

Несчастный склонен обвинять других в своем несчастье. Поэтому он вечный придира, критикан, он всем и всеми недоволен, даже вопреки здравому смыслу. Несчастный скептиче-

⁷ Общепринятое мнение: дети в богатых семьях пребывают в постоянной депрессии и/или истерике, потому что у них «все есть» и им «больше нечего желать». Святая простота! Мнение хронических бедняков! Таким богатым детям не «нечего желать», а нечего делать. Им не позволяют работать, а значит — лишают счастья общего дела. Им внушают, как никому другому среди их сверстников, что подлинная жизнь для них начнется «потом». Когда они получат полноценное образование и созреют для высокой руководящей должности в семейном бизнесе. А это «потом», отодвинутое на неопределенный срок, для любого — личная катастрофа.

ски воспринимает нововведения, протестует против них, даже против реальных улучшений и льгот. Но, получив их, так или иначе не отказывается. Принимает как должное. Пользуется. И ворчит, что, дескать, люди для него могли бы все это сделать и раньше, и лучше, и больше. И ни к кому не испытывает чувства благодарности.

Он любит поговорить о своих правах и раздражается упоминанием об обязанностях. Ругает за индивидуализм и с неприязнью отзывается об окружающих. Еще бы! Ведь именно его личный опыт существования в партнерстве неудачен и болезнен.⁸

Этим-то нытьем, скепсисом и сарказмом по любому поводу несчастный выдает себя с головой. Как его не узнать!

•

*Если человек, прежде оптимистичный,
дружелюбный и щедрый, стал вдруг
раздражительным скептиком — значит,
его жизнь перестала быть счастливой.*

•

Главное отличие счастливого человека от несчастливого в том, что первый, в основном, производит, а второй — потребляет произведенное кем-то другим.

⁸ Я обратил внимание на то, что счастливые люди гораздо чаще и легче жертвуют собой, чем несчастные. Казалось бы, счастливым есть чем дорожить. Но они идут на самопожертвование без условий. А несчастные, наоборот, все боятся остаться в проигрыше. Как бы не получить ущерб здоровью (например, от вакцины)! Как бы не перетрудиться, не совершить дополнительных усилий (например, из-за работ по благоустройству города, которые создают неизбежные, хотя и временные, помехи горожанам). Несчастные трепетно и как будто бережно относятся к себе. На самом же деле, заботясь о мелочах, в главном они ущемляют себя – не стараются радикально изменить образ жизни и развернуться к счастью лицом.

И что же? Разве потреблять, сидя на шее у кого-то, кто тебя везет, не мечта любого человека? Разве не в этом счастье? — Конечно, нет. Думать так, значит, глубоко ошибаться, направляя себя, наоборот, в русло несчастья. Человек — самое трудолюбивое и производительное существо на свете. В этом легко убедиться, просто оглянувшись вокруг. Созданное людьми колоссально, богоподобно!

Природа наделила каждого человека огромными возможностями и способностью этот изначально данный потенциал развивать. Если не делать этого, не применять к жизни эти дары, то последует справедливое наказание. Природа — не наивный расточительный благотворитель, она жесткий кредитор. Все неиспользованное человеком постепенно будет разрушать его изнутри.

•

*Все, что мы черпаем изнутри себя
и извне, из общественных кладовых,
и не возвращаем обществу в обогащенном
виде, разъедает, развращает и в итоге
убивает нас.*

•

Нет более уязвимого социального статуса, чем статус рантье. То есть человека, живущего на некий незаработанный им лично, но узаконенный доход. Проявляющего доставшуюся ему от кого-то собственность. Рантье — от денежного капитала, от недвижимости, от земли, от положения в семье, от должности и так далее — обременительны для всех, включая самих себя.

Они лишние, необязательные люди. Они потребители. И «все революции в мире совершаются против рантье». Не помню, кто это сказал. Возможно, Карл Маркс.

Острая проблема так называемого «общества потребления», широко обсуждаемая сегодня, беспокоящая интеллектуалов — политологов, антропологов, футурологов и иже с ними, — заключается не в том, что люди стали лучше жить материально и якобы это их развратило, обуржуазило, а в том, что количество потребителей (несчастливых, «лишних») в обществе продолжает расти, а количество производителей (счастливых, востребованных и реализованных) снижается. Согласен, это тема для отдельного разговора.

Ну, хорошо, скажете вы. Допустим, что это так и есть. Но кто задает и выдвигает именно такие условия и требования? Кто заставляет людей, порой через «не могу», становиться счастливыми? Кто любимыми средствами стремится избавиться от несчастных?

Ответ однозначен. Разумеется, общество. Социум. И отрицать его существование как факта глупо.

Я стараюсь не опускаться до редуccionизма. Рассуждая, не свожу высшие формы существования материи к низшим. Не сопоставляю их грубо, без обязательных оговорок, без коррекции. Но здесь я не могу удержаться, чтобы не напомнить, что в природе выживание вида всегда намного важнее жизни индивидуума. Любой вид живых существ легко пожертвует одной или несколькими особями ради сохранения себя как части биосферы.

Да, человечество, социум — не просто биологический вид. Но в том, что это нечто целое и целостное, не приходится сомневаться. И в том, что люди — часть природы, тоже.

Никто из вида *Homo sapiens* не становится «Человеком разумным», не будучи интегрированным в общество, не получив доступа к его ресурсным кладовым. Ни знаний, ни навыков, ни умений, необходимых для обеспечения жизнеспособности, приобретенных иначе чем через социальное взаимодействие, у человека нет и быть не может.

Вот почему индивид всецело зависит от общества и всем ему обязан. А чем конкретно обязан? — Жить счастливо. Производить больше, чем потреблять. Отдавать другим больше, чем брать себе. Тем самым укреплять жизнеспособность, одновременно свою и окружающих.

И никаких, заметьте, противоречивых интересов! Никаких «запрограммированных» столкновений с другими людьми! — К чему они, если важнейший общий интерес заключен в плодотворном сотрудничестве всех со всеми. Сотрудничество — условие жизни человечества. А несчастье — неумение сотрудничать. Вот и вся мудрость жизни.

Социум всеми силами и средствами поддерживает и поощряет счастливые альянсы, как малые (семьи, общины, трудовые коллективы), так и большие (народы, страны). Общество старается их сохранить и преумножить. Распространить их опыт, обеспечить ресурсами, морально и эмоционально вознаградить.

Но также энергично социум избавляется от несчастливых общественных групп. Их просто не должно быть. От слова «совсем». Конечно, в цивилизованном, гуманном мире «избавляться» не означает «физически уничтожать». Действует другой механизм — конфликт.

•

*Принципиально важно понимать,
что конфликт — это не только
(и не столько!) столкновение позиций,
интересов разных людей и сообществ.
Это прежде всего способ разрушения
нерентабельного партнерства.*

•

Мы обязательно подробно поговорим о конфликте как социальном явлении в соответствующем разделе книги.

Резюмируем сказанное. Итак, ради сохранения жизни Человека на Земле, ради обеспечения жизнеспособности социума, каждый отдельный человек (индивид) и каждая группа людей (социальная группа) должны производить благ больше, чем потребляют.

Тех, кто живут и действуют по этому принципу «расширенного воспроизводства благ», общество всемерно поощряет, поддерживает. Называет производителями, созидателями. Сами себя они считают и называют счастливыми. С полным на то рациональным и эмоциональным основанием.

Тех же, кто объективно потребляют больше, чем производят, и тем самым наносят постоянный ущерб различным в широком смысле социальным «фондам», групповым потенциалам развития, общество наказывает, индивидов вгоняет в депрессию или апатию, отнимая у них само желание так жить. А общественные группы, которые не справляются со своей основной ролью — не развивают партнеров, заставляют их стагнировать, деградировать, — обрекает на распад (на конфликт).

Субъективно эти люди чувствуют себя несчастными, «лишними». По сути и по названию, они потребители.

Жизнеспособное общество — это симбиоз счастливых созидателей.⁹ Таковыми могут стать все без исключения. **Природа не производит некачественных людей.**

Счастье и несчастье, социальное ампула «созидателя» или «потребителя» — не наследственные дары или проклятья (хотя примеры поведения родителей, воспитателей весьма существенны для формирования личности). Это не приклеенные навечно ярлыки.

Несчастный вполне способен сам или, чаще, с помощью дружелюбных, социально компетентных окружающих обрести счастье. Да и счастливый, увы, не гарантирован от ошибок. Вот почему так важно поддерживать в обществе атмосферу взаимопомощи и доверия, налаживать производительное партнерство, обеспечивать каждому человеку востребованность и самореализацию. В чем, собственно, и заключается управление общественными отношениями. «Управлять» означает развивать симбиоз индивида и социума.

Речь в этой книге идет не о выдуманных кем-то и произвольно кем-то внедряемых законах человеческого общежития. Не о том, что можно было бы, при желании, столь же произвольно изменить. Мы говорим здесь о базовых принципах самоуправления общества, о его объективных законах и механизмах, благодаря чему общество выживает.

В этом контексте не может быть «нескольких правд», «разных точек зрения». Повторю: не о точках зрения разговор, а

⁹ «Производитель», на мой вкус, тоже хорошее слово. Но у многих, я знаю, оно вызывает зоотехнические ассоциации. Поэтому в особо пафосных высказываниях я буду употреблять другое, синонимичное, слово — «созидатель».

об условиях, соблюдение которых обеспечивает жизнь, а несоблюдение грозит гибелью всему человечеству.

И мир, судя по всему, устроен так, что люди и группы людей, живущие по этим законам, получают от социума и от самой природы всемерную поддержку. А те, кто их нарушают, лишаются доступа к ресурсам и удаляются из общественных отношений. Чтобы общество не разрушилось и не погибло.

Роль этой книги в том, чтобы следование законам общественного бытия из интуитивного, экспериментально-поискового, чреватого ошибками, превратилось в осознанное поведение. Таким образом, это книга про управление — рациональное воплощение законов и принципов самоуправления социума в конкретных обстоятельствах.

Счастье и несчастье — не брошенный Судьбой слепой жребий, а плоды компетентного (или некомпетентного) управления взаимодействием. Так к этому и нужно относиться. Со всеми вытекающими последствиями.

Что, кто-то не верит в жизненность этой схемы? Воспринимает ее как утопию? Не думает, что все вот так просто и очевидно? — Это потому, что он, этот «кто-то», не пробовал быть счастливым. Потому что боится отпустить привычный поручень потребления (подчас весьма скудного по объему и качеству, но как будто гарантированного, вытребованного у окружающих) и стать свободным и гордым Человеком-созидателем. Производителем материальных и духовных благ.

А надо бы попробовать!

Здесь неплохо было бы рассказать анекдот, чтобы снизить градус назидательности. Но, увы, ничего подходящего я не припоминаю. Поэтому предлагаю читать книгу дальше.

Тот, кто хочет уладить конфликт,
борется за будущее.

В. Тарасов

История в итоге аплодирует
не конфликтам обществ, а их примирению.

Г. Киссинджер

Здоровые компромиссы превращают
конфликты в хронические болезни.

И. В. Гете

О КОНФЛИКТЕ

Что ж, продолжим. Уютно расположившись в кресле (то-ропиться и волноваться не следует), поговорим, поразмышляем о жизни. Попробуем объяснить все ее явления и стороны,

с которыми мы сталкиваемся постоянно. В рамках которых существуем.

И начнем не с самого приятного. Обсудим конфликт.¹⁰ Это русское слово происходит, как известно, от латинского *conflictus* — «столкнувшийся».

Глубоко укоренилось мнение о том, что конфликт — это борьба за обладание ресурсами. На поверхности конфликта — столкновение позиций, мнений, декларируемых интересов и прочее. А по сути, дескать, это грызня за лучший кусок пирога.

Обратите внимание, как очевидно эта точка зрения смыкается со взглядами на природу счастья. Если счастье понимается, как обладание «частью»-куском. Очень любопытно! Это особая философия присвоения и, в конечном счете, потребления. «Я буду счастлив, если получу свой пай».

Между тем, жизнь обходится с каждым человеком так, как он сам обходится со своей жизнью. Желаящему строить она предоставляет стройплощадку. Стремящемуся воевать — поле боя. Судьба — весьма справедливая и комплиментарная «дама». Она готова, даже в кредит, дать любому желающему то, чего он действительно хочет. Во что верит, что ценит больше всего на свете.

И если кто-то намерен воевать с окружающими за право обладания некими ценностями, благами — он получит эту войну. Однако победа ему не будет гарантирована. Не только он, но и у него будут стараться эти блага отнять. Недаром говорится, «готовишься к войне — рой две могилы: одну для своего врага, вторую для себя».

¹⁰ Подробно и обстоятельно конфликт исследован в моей работе «Практическая конфликтология. От конфронтации к сотрудничеству». М. АСТ. 2020. А на страницах этой книги мы приведем лишь положения, принципиально важные для понимания сути явления.

Более того, постепенно выяснится, что в число врагов-конкурентов такого человека входят не только изначально чужие ему люди, но и его близкие. Друзья, родственники, дети, родители. Отнимать придется и у них. А как же! Такова логика процесса. Война за «лучший кусок» подступит к самому порогу дома, ворвется внутрь — все разрушит, сметет, отравит. И водрузит свой флаг посреди пепелища. Флаг не мира, а перманентной войны.

Ведь борьба «за место под солнцем» никогда не заканчивается. Как смертоносный вирус, она переносится с погибших на еще живых. Если этот *modus vivendi* называется счастьем, то что же тогда несчастье?

Откуда же берется такое видение жизни вообще и конфликта в частности? Меня поражает, насколько почитаемо в народе, даже среди его наиболее развитой части — интеллигенции, это мировоззрение: «Жизнь — борьба»!

Как упорствуют люди, доказывая себе и другим, что в мире всегда была, есть и будет ожесточенная конкуренция за право на жизнь, за «лакомые куски» общественных ресурсов!

Почему это так? Только ли исторический опыт бесконечной череды лишений и бед здесь играет ключевую роль?

На первый взгляд, да. Испокон веков многие люди жили и живут тяжело. Вряд ли найдется хотя бы один человек, который никогда не переживал неприятностей, никого и ничего не боялся. Не совершал бы ошибок, возвращавшихся к нему травмирующим бумерангом. Отсюда сакраментальное «*Errare humanum est*» — человеку свойственно ошибаться.

К тому же, никто не живет исключительно частной жизнью. Человек — существо общественное и вынужден нести бремя не только индивидуальных невзгод, платить не только за собственные ошибки. Каждый из нас, в той или иной степени,

отвечает за грехи своей семьи, своей общины, своего народа. Платит по общим счетам.

Короче говоря, не ошибешься ты — ошибутся другие, а за последствия расплачиваться будете вместе. Как тут не впасть в уныние! Как не объявить этот мир полем ожесточенного сражения, с которого живым не уйти!

Кто-то из античных мудрецов (увы, не помню, кто именно) сформулировал такой посыл: «В этой жизни мы нежеланные гости. Всё здесь дается нам с огромным трудом. Нам неуютно и безрадостно. И нам тоже никто не рад. Так почему же мы боимся вернуться домой?»¹¹

Вот как! А ведь это уже не просто признание неизбежности смерти. Это откровенный призыв полюбить смерть. «Вернуться домой». Вот, оказывается, где у человека дом — в загробном мире! А здесь, на земле, все ему заведомо чуждо и враждебно.

И такое отношение к жизни — не чья-то экстравагантная, редкая точка зрения. Мировые религии утверждают то же самое: «Лучшее ждет вас за гробом». Так формируется распространенное мнение о принципиальной невозможности счастья.

«На свете счастья нет, но есть покой и воля». Эту строчку А. С. Пушкина цитируют часто, покачивая при этом головой и печально улыбаясь. Вот, дескать, какие мудрые слова. Но, позвольте, это же слова не самого поэта, а его вымышленного персонажа! И этот персонаж называет себя «усталый раб». Это для усталого раба не существует счастья.

Кто же те люди, которые узнают себя в пушкинском герое, отождествляют себя с ним? Чьи они «усталые рабы»? — Божьи? А, может, собственных заблуждений?

¹¹ Ссылку на автора, увы, не нашел. Цитирую не буквально, но, поверьте, точно передаю суть сказанного.

Чтобы воспринимать жизнь враждебно и/или депрессивно, нужно быть уязвленным и разочарованным этой жизнью. То есть быть несчастным человеком. И убеждать себя, что альтернативы этому нет. Что все люди таковы. А кто не такой, тот либо лжец, либо — дурак.

•

*Выстраивается такая концепция:
Мир человеку враждебен, он арена
ожесточенной борьбы за место под солнцем,
за «кусок пирога». И выбор здесь невелик.
Человек либо включается в эту схватку, теряя
достоинство, убивая в себе все человеческое,
и тогда получает шанс стать «счастливым»,
то есть обладателем вожаденного жирного
куска, либо устраняется, оставаясь
«несчастливым», гордым и грустным
наблюдателем, лишенным «пая»,
но зато сохранившим порядочность.
Есть и промежуточный вариант: можно
отламывать куски от пирога, но иногда,
ограничивая свою алчность,
кое-что уступать и «ближнему».
Да, есть еще надежда, что «кусок» свалится
тебе на голову сам, без усилий с твоей стороны.
Приверженцы этой концепции спорят лишь
о том, кого в этой расстановке считать
«умным», а кого — нет.*

•

«Счастливы только дураки» — весьма расхожее мнение. Умные, по этой версии, постоянно грустны, подавлены, ибо страдают от осознания несовершенства мира.

Подобное мировоззрение трактует счастье как обладание жирным куском, «частью», «паем». И признает, что счастье — или результат успешной конкуренции, или чистая случайность, удачный жребий, выпавший одному, счастливцу, но не доставшийся всем остальным. В обоих случаях, получается, счастье — большая редкость, за которую еще и приходится платить. Подчас нечеловеческую цену. Поэтому, на всякий случай, это же мировоззрение объявляет счастье выдумкой, вредной иллюзией, утешением глупцов.

Обратите внимание: признание счастья как реальности, хотя и редчайшей, и непризнание счастья как такового в этой концепции не противоречат друг другу. Это взаимодополняющие трактовки.

А может, так называемым «умным» следует перестать ужасаться, а постараться объективно оценить обстановку? Увидеть альтернативу «пораженчеству», апологетике несчастья? Ведь эта альтернатива существует. Разве жизнь состоит из одних поражений, из одних потерь? Разве не за счет мирного сотрудничества, не за счет совместного производства благ мы продолжаем жить?

Ты, умный и оттого несчастный, к тебе обращаюсь я — счастливый и, видимо, с твоей точки зрения, глуповатый.

Вот утром ты проснулся и встал с постели (постель, кстати, изготовили люди на фабрике — и кровать, и матрас, и все иные причиндалы). Вышел на балкон (дом тоже кто-то построил), вдохнул утренний воздух. Вернулся в комнату, оделся (костюм ведь не ты сшил, не так ли?). Позавтракал (хлеб испек булочник,

масло сбил молочник). Пошел на работу. Влез в автобус (его водитель поднялся затемно, чтобы довезти тебя до пункта назначения). И далее, как говорится, «по списку» . . .

Ты, объявляющий себя перманентно и закономерно несчастным, разве не понимаешь, что окружающие не покладая рук ежедневно создают условия для твоей жизни? Разве созданного, произведенного кем-то в жизни меньше, чем разрушенного?

Если бы люди больше разрушали, а не создавали — жизнь человечества давно бы оборвалась. Значит, люди, в основном, по своей сути и на практике, созидатели. Почему же они должны уставать от жизни, бежать от нее?

Дружище, выглядит так, что это ты не умеешь быть благодарным. Но почему? — Не потому ли, что тебе никто не благодарен? А такое возможно, лишь когда ты потребляешь общественных благ больше, чем производишь сам. И благодарить тебя не за что.

Разное это видение жизни — счастливое и несчастное! Несчастливые избирательно копят негатив и психологически готовят себя к тягостному и беспросветному существованию. В иное они не верят. У них нет другого опыта.

Время идет, современность становится историей, а несчастные люди продолжают упорно отрицать самую возможность построения счастья, управления своей судьбой. Отгораживаются от производительного, радостно-созидательного мира. Предпочитают его в упор не видеть, нежели признаться, что он существует. Ведь сами они к нему не принадлежат.

Счастливые воспринимают жизнь совсем иначе — как бескрайнее море возможностей.

Так что распространенность точки зрения «воинов-конкурентов» и/или «скептиков» говорит не о её истинности, а

лишь о том, как много в социуме несчастных людей, тиражирующих свое миропонимание.

•

*Есть люди, сделавшие несчастье
если не своей религией, то традицией,
передаваемой ими из поколения в поколение.*

•

Вернемся, однако, к конфликту. Собственно, далеко от темы мы и не отходили. Мы лишь исследовали истоки отношения к этому явлению как к борьбе за жизненно важные ресурсы. И пришли, надеюсь, к выводу, что так воспринимают конфликт разочарованные, ожесточенные, изначально конкурентные... одним словом, несчастливые люди.

Счастливые во всем видят целесообразность и уместность. Кроме понятного воодушевления, такое видение создает широкое пространство для работы с конфликтом. Для управления им. Напротив, констатация столкновения заводит нас в тупик.

Допустим, семеро голодных людей имеют доступ к пяти свежеиспеченным пирожкам. Каждый из потенциальных едоков хотел бы съесть все пирожки сам. Но существуют и иные мнения.

Чего мы добились, констатируя это? — Ничего. Какие у нас при этом появились возможности уладить этот конфликт? — Никаких.

Уговорить проголодавшихся людей «поделиться по-братски»? — Надолго ли хватит этой временной сытости? Признать, что в случае возникновения драки за пирожки победит сильнейший? — И что с этим пониманием делать? Впасть в

еще большее уныние? Порадоваться за того, кто наелся за счет других?

Ни то, ни другое, ни нечто третье (например, всем сделать вид, что никто не голоден) принципиально не изменят ситуации: едоков семеро, пирожков пять. Как этим можно управлять, если управление, по сути, развитие? — В данной парадигме — никак. Ничего здесь нельзя ни прирастить, ни улучшить.

Но если рассмотреть эту ситуацию по-другому, увидеть в ней этап чего-то более общего — сразу появляется поле для маневра!

Конфликт — не борьба за преимущества, а механизм устранения недостатков. Именно этим он и полезен обществу.

Стоит задаться вопросом: как случилось, что несколько человек одновременно столкнулись с острой нехваткой продовольствия? Что к этому привело? — И вот уже закономерная череда новых вопросов и решений выстраивается сама собой.

Кто, когда и какие допустил ошибки? Чем эти ошибки обусловлены, каковы их причины? Что необходимо предпринять, чтобы их исправить и не допускать впредь?

Очевидно, что это и есть управление. Отвечая на подобные вопросы, решая выявленные проблемы, мы встаем на путь рационального осмысления конфликтной ситуации и ее переделки. Мы оздоравливаем «приболевшие» отношения.

В нашем простеньком примере, с едоками и пирожками, происходит все, что и в других конфликтных ситуациях, — жизнь людей оказывается под угрозой. И необходимо выяснить, почему это произошло и что нужно предпринять, чтобы реанимировать взаимоотношения, а угрозу устранить.

Целесообразно ли вообще как-то реформировать группу, не обеспечившую жизнеспособность партнеров? Или следует управлять ее естественным распадом, а на руинах из оставшихся ресурсов создавать нечто новое, более рентабельное?

•

*Существо конфликта именно в этом.
Конфликт — своего рода «санитар
леса». Он призван избавлять социум от
несчастливых альянсов, будь то семьи,
деловые сообщества или даже империи.
А в счастливых социальных группах
конфликтов не бывает.*

•

Можно ли обеспечивать рентабельность (напоминаю, в самом широком, не только в материальном, смысле) группы без конфликта? — Можно. И нужно! Именно для этого существует управление как род деятельности, как симбиоз теории и практики.

Но обсудить это положение мы сможем только системно. В логике процесса социального взаимодействия. Так давайте сделаем это!

Любое взаимодействие, как мы понимаем, направлено на повышение жизнеспособности. Но вступление в партнерство с указанной целью требует ресурсных вложений. А как же! Ничего лишнего, необязательного природа не терпит. Зачем же ей создавать социальную группу, заведомо несчастливую, то есть непроизводительную?

Группирование людей, по сути, является объединением их индивидуальных ресурсных потенциалов в общий потенциал группы. Без этого не выжить. **Человек нежизнеспособен в одиночку.**

Вот почему «на входе» в партнерство человека спрашивают: «Чем ты располагаешь?»¹² И человек, в свою очередь, спрашивает себя и окружающих: «А мне зачем нужно в эту группу вступить?»

Представим (и это не будет противоречить объективной истине), что каждый индивид может существовать в двух принципиально различных сферах социального бытия. Назовем их а) «зона рискованной жизнеспособности» и б) «зона устойчивой жизнеспособности». Это существование может быть последовательным и параллельным.

Последовательное существование, в данном контексте, это когда прослеживается переход из одной зоны в другую. От рискованной жизнеспособности в конкретной социальной группе индивид перешел к устойчивой жизнеспособности в той же самой группе. Например, вначале был в трудовом коллективе новичком, существовал «на птичьих правах», но потом обрел заслуженное уважение и высокий прочный статус мастера своего дела.

Параллельное существование в указанных сферах происходит, когда один и тот же человек одновременно является счастливым и несчастным партнером. К примеру, счастливый в дружеской компании несчастлив в семье. Это вполне может быть. Мы не касались этого вопроса раньше, что ж, коснемся теперь.

¹² В этом суть выражения «Встречают по одежке».

•

Человек редко бывает членом только одной социальной группы. Наши отношения с миром разнообразны. Поэтому можно быть одновременно и счастливым, и несчастливым.

•

Да, разумеется, это сказывается на общем восприятии своего «Я». Человек в подобных случаях старается определить, осознанно или интуитивно, что для него важнее — какое именно партнерство? Семья, друзья, коллеги по работе? Его миропонимание становится сложным, неоднозначным. «Жизнь — непростая штука», — так он говорит.

Но в итоге даже в столь многовалентной ситуации **человек стремится к счастью, а от несчастья уходит**. Ведь он хочет жить — ни больше ни меньше. Поэтому одни отношения рушатся, а другие — всемерно укрепляются.

И в новые альянсы мы вступаем по тому же побуждению, по тому же мотивационному вектору: от несчастья к счастью, от рискованной жизнеспособности — к устойчивой. Это крайне важно понимать! Все перемещения людей из одной зоны в другую — от великой миграции народов до ухода из несостоявшейся семьи — это поиски счастья. Вот почему главным управленческим вопросом в таких случаях становится: «От чего бегут люди и что они хотят обрести на новом месте?»

Как в стихотворении «Парус» М. Ю. Лермонтова: «Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?»

Беда, если осознания происходящего нет и поиск счастья ведется интуитивно, методом проб и ошибок. Тогда промахи неизбежны и каждая серьезная ошибка обязательно приведет

в тупик. Важнейший в жизни поиск придется начинать заново, а уже созданное — разрушать, неся большие материальные и нравственные потери.

Неменьшая беда — полагать, что уходящий из отношений человек один во всем виноват, что именно он разрушитель. И ставить на него клеймо негодяя, не анализируя объективных причин его ухода. Такая оценка ситуации чревата многократным повторением ошибок в будущем. Это и есть «одни и те же грабли», на которые, по мудрому народному выражению, вновь и вновь наступает недотёпа.

И совсем уж большая глупость — бросаться «с головой в омут» новых отношений, не утруждая себя вопросом, кому и зачем все это нужно. На эмоциях. На истеричных «хотелках». Повинуясь слепому инстинкту охотника, преследующего дичь, азарту спортсмена, любой ценой добывающего приз.

Новые отношения всегда создаются взамен неудавшихся прежних. Это надо отчетливо понимать. И спрашивать себя: «А я смогу сыграть здесь позитивную роль? Смогу стать подспорьем в поисках счастья именно для этого человека (этих людей)? Хочу ли я этого?» И только ответив на них — действовать.

•

*Кто-то скажет, это неромантично.
Слишком расчетливо. Согласен. И в этом
значении (только в этом, и ни в каком
другом) самый счастливый брак —
брак по расчету. По здравому
управленческому расчету.*

•

Еще одно принципиальное утверждение: никто (за исключением разве что профессиональных мошенников) не вступит в отношения с намерением их рано или поздно разрушить. Люди хотят быть вместе, нуждаются во взаимодействии. Это, как уже не раз мы повторяли, в нашей социальной природе. И все мы с надеждой следим за тем, в какую сторону меняется создаваемый нами новый альянс. Становится ли нам лучше, радостнее жить, крепнет ли в нас чувство удовлетворенности происходящим. Есть ли объективные успехи. В этом смысл нашей совместной деятельности.

Хорошо, если это партнерство нам нравится. Значит, мы встретили адекватных людей. Вместе мы движемся к счастью. Так держать! Плохо, если наоборот.

Бывает ли, что новые отношения с самого начала нас не устраивают — опустошают нравственно, материально, заставляют терпеть ошутимые неудобства? — Конечно, бывает. И это мощный сигнал к их пересмотру, реформированию и даже, возможно, к разрушению, так сказать, «в зародыше». Зачем плодить то, что заведомо нежизнеспособно?

Представьте, вы пришли на собеседование при приеме на работу. А вас подвергают так называемому «стресс-интервью»: задают бестактные вопросы, унижают, открыто над вами насмеются, заставляют страдать физически и морально. Любой нормальный человек спросит себя и других в подобной ситуации: «И зачем это все?»

Приемное испытание всегда моделирует реальные условия труда. Поэтому, если применяется стресс-интервью, значит, эта работа сопряжена со стрессами, к которым соискатель вакансии должен быть устойчивым, ведь так? Какие же это стрессы, хотелось бы знать? Это, что, деятельность в заведомо экстремальных

условиях? — Вроде бы, нет. Обычный офис со стандартным функционалом. Получается, в этой компании эмоциональный стресс — норма взаимоотношений! А ведь это явное указание на неумение управлять. Или на расчетливое злоумышление.

Я помню, некий директор страховой компании признавался мне по секрету: «Как отказать застрахованным клиентам в выплате премии, на которую они по договору не имеют права, для меня не проблема. Я требую от своих сотрудников отказывать тем, кто это право имеет». Вот как! Понятно, что такая работа разрушает психику. Не эти ли директора ищут себе работников с повышенной стрессоустойчивостью?

Кстати, об экстремальных видах деятельности. Я полжизни занимался отбором кандидатов на службу в особых условиях. И утверждаю: чтобы определить уровень устойчивости к стрессу, совершенно не нужно человека унижать. Для этого разработаны другие психодиагностические инструменты.

Так что стресс-интервью — это самодеятельность убогих недоруководителей. Я своих студентов настраиваю: столкнулись с чем-то подобным — уносите оттуда ноги!

Однако давайте не станем сразу же, не успев ни в чем разобратся, нырять в несчастье. Предположим, наш выбор партнеров удался, и вместе с ними мы замечаем, субъективно и объективно, рост качества совместной жизни. Рассмотрим позитивный вариант.

Выход из зоны рискованной жизнеспособности, как правило, происходит постепенно. Счастье не падает людям как снег на голову. Оно имеет довольно четкие признаки, до которых, как говорится, еще нужно дожить.

Поэтому принимать охвативший нас душевный подъем от преодоления одиночества за подлинное счастье не даль-

новидно и небезопасно. Высока вероятность острого разочарования и, как следствие, формирования устойчивого неверия в саму возможность счастливых отношений. Лучше подождать, не торопиться «сжигать лягушачью кожу»¹³.

Счастье заявит о себе громко, ясно. Двумя как минимум понятными сигналами. Надеюсь, вы уже догадались, какими. Вот именно! Так и есть! Многократно об этом говорено.

По-настоящему **счастливый человек непременно ощутит свою необходимость в сложившемся партнерстве**. Наступит время, когда без него здесь просто не смогут жить. Это проявится буквально во всем: и в радостном блеске встречающих его глаз, и в обращенных к нему важных просьбах, и в привилегиях, охотно ему предоставляемых со всех сторон. Не почувствовать этого нельзя!

И второе: **ему самому как никогда прежде не захочется из этих отношений выходить**. Потому что в них он обретёт себя. Самореализуется. И станет больше всего на свете бояться потерять все это.

Если же человек получает удовольствие от неких взаимоотношений, но не дорожит ими всерьез, значит, счастья он еще не познал. И его социальное положение шаткое.

Отсюда, например, тревога жены по поводу частых поездок мужа «с друзьями на рыбалку». Когда ей подожду приходится жить одной. Или неудовольствие мужа от привычки жены все невзгоды и проблемы «доверять маме». А он при этом остается как бы в стороне.

¹³ Как это сделал Иван-царевич в сказке «Царевна-лягушка». Вопреки просьбе невесты, он решил избавиться от ее прошлого. И за это поплатился, отправившись в долгое и опасное путешествие в тридцатое государство. А всего-то придал событиям неоправданное ускорение. Постыдил.

Даже если это на самом деле дружба, а не скрываемая до поры любовница. И это, действительно, мама, а не тайный любовник. Все равно, легкость, с какой супруги расстаются друг с другом надолго или разбрасываются тем, интимным, что касается только их, указывает на незрелость этих семейных отношений. Следовательно, на их неустойчивость. Незрелость.

Социологи и социальные психологи используют термин **«референтное партнерство»**. «Референтный» в данном случае означает «тот, с кем ты себя соотносишь». Так говорят о людях, с которыми хочется взаимодействовать, иметь общие цели и смыслы. По-русски это значит «свои».

Кто для каждого из нас «свои», «наши»? — Это принципиальный вопрос. Счастье — это и есть референтное партнерство. В нем — все свои. А если нет? Если «свои» где-то в другом месте — скучают, любят, ждут тебя? Значит, то, созданное наспех, что ты объявляешь обретенным счастьем, — неправда, иллюзия, обман и самообман. На данном этапе развития.

Качество отношений следует оценивать объективно. Без опережающих фантазий. Нужно понимать, что переживаемый партнерами рост взаимной привязанности, взаимной благодарности — это предпосылка к счастью. Но еще не само счастье. Пока люди способны обходиться друг без друга, пока они друг для друга приятны, удобны, но **заменимы** на кого-то еще, их отношения не являются полноценно счастливыми.

Было время, когда я до слез обижался на свою невесту — мою будущую жену — за то, что своими неприятностями она делилась не со мной, а с подругами. Радостные новости она спешила сообщить мне. Но горе от меня прятала. И это меня не на шутку расстраивало. И тревожило. Прошли годы, прежде

чем самым важным человеком, самым близким другом для этой женщины стал я, как и она — для меня.

Ничего страшного. Поначалу у всех так. Это закономерный этап становления группы. И надо работать над развитием взаимоотношений, задаваясь вопросом, куда двигаться дальше, где пролегает путь в желанную перспективу. Но пока воздерживаться от принятия юридически и морально весомых взаимных обязательств.

Известная российская актриса, руководствуясь самыми благими намерениями, усыновила мальчика из детского дома. Поначалу оба этих человека — взрослый и ребенок — не чаяли друг в друге души. Потом, однако, их отношения испортились. Я полагаю, потому, прежде всего, что эта актриса не поняла и не приняла на себя функции педагога, ответственного за развитие мальчика, и главное, умелого и терпеливого. Эта роль, в отличие от многочисленных театральных ролей, ей не удалась. Ребенок стал капризничать, протестовать, воровать деньги и прочее, из-за чего он был возвращен обратно в приют. Травму получили оба. Да, так бывает, к сожалению, когда объявляешь себя счастливым раньше времени.

Ну, хорошо. Допустим, счастье наступило, сбылось. Будет ли оно вечным? — Разумеется, нет. Сегодняшняя востребованность завтра может быть исчерпана. И, как в песне, «отряд не заметит потери бойца». Самореализация перестанет быть таковой, как только изменятся выполняемые группой задачи. Жизнь, которая еще недавно была легкой и окрыленной, как Пегас, превратится в усталую клячу.

Счастье необходимо поддерживать, как огонь в очаге, ни в коем случае не допуская прекращения развития — застоя и деградации — соучастников.

•

*Стагнация в отношениях, застой, —
это предвестник кризиса. А кризис —
база для конфликта.*

•

Поговорим о кризисе. Самое время. По моему мнению, **кризис — это столкновение людей с непреодолимыми трудностями.** Появление такой актуальной задачи, не решить которую непозволительно — иначе сама жизнь будет поставлена под угрозу, а решить невозможно. В данных условиях. При современном состоянии ресурсов, доступных индивиду и социальной группе.

Кризис следует за периодом застоя. Он из него логически вытекает. Механизм его возникновения таков: люди построили референтную группу (обрели счастье) и успокоились на достигнутом, «почили на лаврах». Их потребности как будто удовлетворены. Стремления развиваться дальше почти не осталось. «Чего еще желать?» — спрашивают они, счастливо улыбаясь. И приговаривают: «От добра добра не ищут. Лучшее — враг хорошего».

Но жизнь-то — внешняя по отношению к индивиду, к его референтной группе — продолжается, не замирая ни на секунду. Условия жизни постоянно меняются. И если этого факта не учитывать, то можно неожиданно для себя оказаться «вне игры», выпасть из динамичного контекста. Внезапно оказаться не у дел, столкнувшись с серьезной преградой. Это и будет кризисом.

Представим человека, который собрался, к примеру, на прогулку по городскому лесопарку. В момент, когда он прини-

мал такое решение — погулять в свое удовольствие, — он был сыт, находился в тепле, чувствовал прилив душевных и физических сил. Выйдя из дома, он какое-то время сохранял позитивный эмоциональный настрой. Но затем он устал, проголодался (а еды он с собой не захватил), продрог и вдобавок вымок под начавшимся ливнем. Точек общепита, остановок транспорта, даже проезжих дорог поблизости нет — лесопарк обширный, а человек этот предпочел удалиться от благ цивилизации и удалился. И вот мерзлый, мокрый и мучительно одинокий, потерявший ориентацию в пространстве, он стоит под деревьями и плачет. Каково? Вот так прогулялся! Хорошо если все это обойдется без негативных последствий, прежде всего — для его здоровья.

Это пример кризиса. Надеюсь, пример простой и понятный. Так в жизни и происходит, в какую сферу ни загляни.

Напомню, счастье — это переживание максимальной жизнеспособности. Счастье дает человеку уверенность в собственных силах, в своей неуязвимости и победительности. Важно, чтобы эта уверенность не превратилась в ложную и праздную самоуверенность, а была постоянно подкрепляема делами.

О том и речь, что счастье нужно поддерживать, как огонь в очаге. Жизнеспособность необходимо обеспечивать сегодня и при этом смотреть в будущее. Там она потребует еще больших усилий, еще больших ресурсных вложений. Адекватных реальным вызовам. И чтобы там, в перспективе, не оказаться беспомощным, человек заботится о своем развитии. Совершенствует навыки, умения, приобретает новые знания и опыт.

Недаром говорят: «Хочешь, чтобы подковы приносили счастье? — Прибей их к копытам и паши, паши, паши...»

В нашем примере, с бедолагой в лесопарке, разве нельзя было подготовиться к прогулке как следует? Проложить удобный и разумный маршрут, запастись едой, одеться по погоде, прогноз которой узнать в интернете или по радио? Но он ничего этого не сделал, положившись исключительно на свое текущее позитивное состояние, и поставил себя на грань выживания.

Кризис возникает там, где люди оказываются неготовыми к изменившимся обстоятельствам их жизни. И ладно бы эти изменения в принципе были мало предсказуемы и мало управляемы. Падение метеорита, скажем, или извержение вулкана, или иное стихийное бедствие. Так нет — кризисы возникают на самых ожидаемых, банальных, поворотах жизненной дороги. Поэтому здесь и появился пример с лесопарком. Разве этот горожанин не знал, куда идет? — Об этом и разговор.

Разве родители подростка не знают, что он заканчивает школьный курс обучения и ему необходима качественная профориентация на ближайшее будущее? Почему же они полагаются на непроверенные данные, по сути, на слухи, о востребованности профессий? Почему не изучают индивидуальность своего ребенка, чтобы помочь ему реализовать себя на жизненном поприще? А толкают туда, где, как им кажется, будет устроиться проще, без лишних амбиций, или наоборот, престижнее, доходнее?

Кризис в семейных отношениях при этом неизбежен. Подросток не поймет и не простит тех, кто указал ему ложный путь. Даже его любимых папу и маму. Если все вместе они не исправят допущенных принципиальных ошибок.

Разве человек, вступающий в пожилой возраст, не должен понимать, что его физическое здоровье нуждается в постоян-

ной поддержке? И не в интуитивной, самостоятельной, а под руководством опытных врачей-геронтологов? Зачем же он рискует своей жизнью и судьбой тех, кто с ним тесно связан, не обращаясь за консультацией, не меняя образа поведения?

Ведь кризис может наступить мгновенно. Когда из цветущего бодрячка этот возрастной человек в одночасье превратится в моргающее неподвижное существо. И то, что раньше было ему несложно сделать, станет нерешаемой проблемой. Страшно звучит, но это, увы, распространенный случай.

Разве политик, руководитель государства, готовясь силовым военным способом уладить противоречия с соседями, не должен задумываться о возможных последствиях этого? Я уже не говорю о моральной стороне дела. Но в самый неподходящий момент у его страны могут закончиться ресурсы для продолжения боевых действий. Вместо желанной победы его армия придет к сокрушительному и позорному поражению.

Выше мы говорили о том, что кризис в любой сфере социальных отношений возникает и протекает по одному и тому же **сценарию**: застой в развитии группы и образующих ее партнеров — недооценка внешней динамики жизни — неподготовленность к переменам (не только к уникальным, но и к банальным, предсказуемым) — столкновение с проблемой (обязательной к решению, но нерешаемой задачей). Как-то так. И это происходит, повторяюсь, всегда и везде.

Самое обидное для переживающих кризис то, что им представляется, что они все делали правильно. И горожанин из нашего примера не хотел ничего особенного — просто пошел погулять, как обычно, только по новому маршруту. И родители своему ребенку желали блага — раньше ведь получалось жить всем вместе в любви и согласии. И старик всего лишь мечтал

подольше оставаться молодым, крепким и подвижным, как в песенке «нам года — не беда, если к цели стремимся большой». И воинственный глава государства, как ему казалось, радел за свой народ, которому до начала войны принес своим правлением немало пользы.

«Что же случилось? В чем наша вина?» — вопрошают люди, оказавшись в кризисе.

А случилось вот что: прежние способы и средства в изменившихся условиях обесценились, стали неприменимыми, бесполезными. Возникла потребность в новых знаниях, навыках, умениях, адекватных возникшим задачам. А у людей ничего подобного не нашлось. По крайней мере, пока.

•

*Кризис в отношениях указывает на то,
что партнерами были допущены ошибки,
вследствие которых партнерство
утратило свои приспособительные
возможности, оказалось беспомощным
перед лицом новых вызовов.*

•

Что же дальше? — А дальше одно из двух. Либо мобилизовать себя на поиск новых ресурсов, новых продуктивных способов поведения, и выбраться из кризиса. Стать при этом опытнее, мудрее, подняться на более высокий уровень развития, научившись исправлять прежние ошибки и решать более сложные задачи.

Либо смириться с происходящим, признать свое поражение и объявить группу нерентабельной, бесперспективной. Иными словами, обречь этот некачественный, не оправдавший надежд альянс на распад, то есть на конфликт.

Важнейшее значение в кризисной ситуации приобретают нравственные мотивы. И похоже, что только в ней. Подумайте, разве переживают о нравственности или безнравственности происходящего уверенно счастливые люди? Полагаю, что нет.

Более того, если речь вообще заходит о долге и чести как факторах, скрепляющих группу, значит, дела обстоят плохо. Счастье не складывается. И людям, входящим в тот или иной союз, приходится указывать друг другу на это. Вывать к совести, стыдить, напоминать о принятых на себя обязательствах. Что это, если не обсуждение совместных действий по преодолению несчастья? Счастливые тянутся друг к другу без дополнительных увещеваний.

Так зачем нам нравственность? Почему мы заботимся о ней, боимся ее утратить? — Видимо, потому и затем, чтобы удержать людей от поспешного выхода из группы, которая вошла в кризис.

Люди не крысы, бегущие первыми с тонущего корабля. Не должны превращаться в крыс. Люди вполне могут преодолевать трудности, вместе исправлять ошибки. Иногда не лишнее — напомнить им об этом. Вот ради чего в обществе культивируется нравственность.

Мы создаем — средствами философии, религии, психологии, искусства и прочего — нравственный климат, не позволяющий мириться с подлостью, трусостью, предательством, лицемерием. Только он в состоянии удержать нас от превраще-

ния в скот, образно говоря, бездумно вытаптывающий ростки, из которых могли бы произрасти питательные злаки.

Нравственность, таким образом, это не сияющая вершина, на которую еще не каждый способен взобраться. Это атмосфера, без которой задохнутся все без исключения.

Мы уже говорили о том, что несчастным, слабым может оказаться любой человек. Никто не застрахован от ошибок и следующих за ними кризисов. Так вот, социум позволит людям исправить их ошибки, преодолеть кризис, придет на помощь, проявит снисходительность и участие, если в нем развита нравственная составляющая.

А если нет, то каждый рискует быть выброшенным на обочину жизни при первой же оплошности. Кто согласен на такие жесткие условия? — Пожалуй, никто.

Вспомните известный речитатив: «Господи, будь ко мне милосерден! Ведь если Ты будешь справедлив ко мне, то обязан будешь меня покарать!» Это очень по-человечески, согласитесь. Не знаю, существует ли Бог, но саморегуляция социума точно существует.

•

*Кризис как проявление некачественного,
нежизнеспособного состояния группы
может быть преодолен в направлении
развития, реанимации отношений, только
при условии взаимного доверия партнеров
и переживания ими нравственной
необходимости помочь друг другу.*

•

Кризис указывает на слабые места в управлении партнерством (где тонко, там и рвется). Эта слабость — следствие допущенных партнерами ошибок, результат некомпетентных поступков. Столкнувшись с проблемой, знаменующей кризис, люди решают — исправлять свои ошибки, оздоравливать партнерство, избавляться от слабости (некомпетентности) или разрушить то, что построить толком не удалось. Как решат, так и будет.

Если партнеры решат, что они никому ничего не должны и что этот их совместный проект (под названием бизнес, семья, гражданство etc.) провалился и не имеет дальнейшей перспективы, — они обречены на **конфликт**.

Итак, мы подошли, собственно, к конфликту.

Как показывает опыт, конфликт в своем течении проходит две заметные фазы: **фазу «взаимных претензий»** и терминальную **фазу «молчаливого принятия»**.

Первая из них (когда партнеры высказывают друг другу свое неудовольствие, что ясно из названия) включает два весомых обстоятельства.

Конфликт уже начался. Обратите внимание на то, что это претензии друг к другу. Люди протестуют против осязаемого для них снижения качества совместной жизни. И уже начали поиск виноватых. Они уже переживают взаимное отчуждение и страх, что дальше будет только хуже. Это, как в известном анекдоте, «плохая новость». Однако есть и хорошая.

В этой фазе еще сохраняются остатки референтности. Счастье еще не ушло. Его влияние остается. Поэтому в своих протестах, претензиях люди и призывают близких (пока еще близких!) одуматься, изменить образ поведения, не добивать то, что создавалось совместными усилиями и еще не разрушилось окончательно.